

Свѣтлячокъ

1902 г.

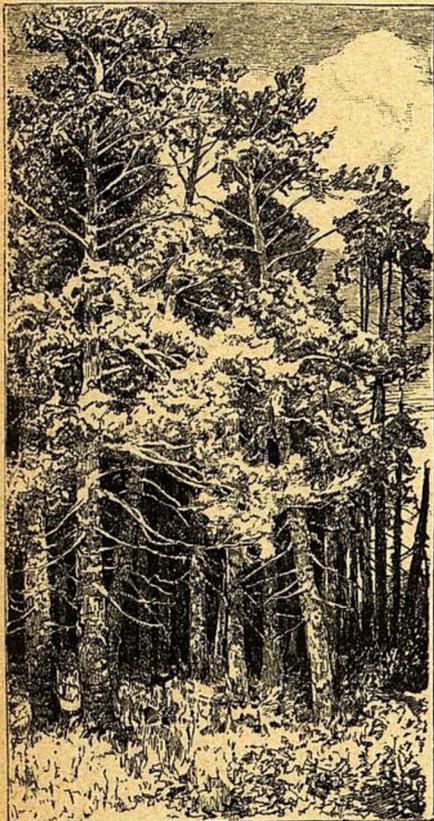

№ 11.

Государственная
Библиотека
им. В. И. Ленина

Гусеница.

(Басня).

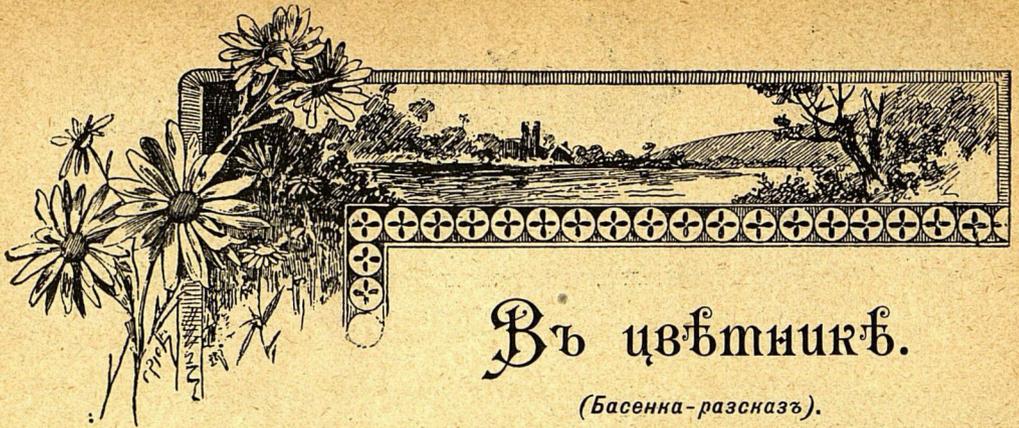
Всползла на Розу Гусеница
И говорить:— „Ты лепестки свои раздвинь,
„Дай у тебя мнѣ помѣститься,
„Пригрѣй меня и не покинь!“—
Но Роза вскрикнула съ досадой:
— „Нѣтъ, нѣтъ, сползи съ меня долой,
„Червякъ уродливый, смѣшной!..
„Нѣтъ, дружбы мнѣ твоей не надо!
„Ты непріятель, ты уродъ!..
— „Но погоди! пора придетъ,—
Червякъ промолвилъ торопливо,—
„Нарядъ я грубый сброшу свой
„И рѣзвой бабочкой, красивой
„Порхать я буду надъ тобой!..
Печально Роза отвѣчала:
— Да, но тогда ты упорхнешь,
И знаю,—что друзей не мало
Вездѣ другихъ себѣ найдешь!
Среди лишеній и несчастья

Вѣдъ дружбу ищутъ, словно кладъ,
Но жаль, когда придетъ къ нимъ счастье,
Друзей и помнить не хотятъ!..

В. Л.

Въ цвѣтникѣ.

(Басенна-разсказъ).

Была весна. Цвѣли сирень и липа. На старую липу и утро, и вечеръ прилеталъ соловей изъ ближняго сада. Вблизи липы и сѣраго дома съ колоннами алѣлъ цвѣтникъ—широкая клумба. На клумбѣ дружной семьей росли георгины, камелии, левкои, маргаритки, анютины глазки, иммортельки, резеда,—не перечестъ,—и розовый кустъ. Вечерѣло; на балконѣ пили чай, громко разговаривали; у балкона, на пескѣ играли дѣти, голоса ихъ весело звенѣли. На клумбѣ было тихо; цвѣты, обрызганные вечерней росой, дремали... Чу! полилась соловьиная пѣсня,—замираетъ, растетъ. По душистой резедѣ чуть-чуть точно задыхаясь отъ волненья, ползетъ улитка, мягкіе ея рѣжки трепещутъ,—ей пріятенъ ароматъ розы, ее тянетъ къ розовому кусту. Соловьиная пѣсня звенить, таетъ въ

воздухъ. Розовый кустъ тихо колышется, будто обвѣянный легкимъ вѣтеркомъ. Роза слушаетъ соловья и благоухаетъ. Соловей наслаждается ароматомъ розы и поетъ. Наконецъ, улитка съ усиліями вползла на розовый кустъ и припала къ нѣжному цвѣтку розы. Она была счастлива. Соловьиная пѣсня лилась и лилась, минутами разсыпалась серебромъ. Голоса на балконѣ смолкли, дѣти затихли, — всѣ слушали соловья — люди, деревья, цвѣты, улитка. Вдругъ изъ сырой канавы выпрыгнула лягушка — глаза навывкатъ, смотритъ, — не сморгнетъ на розу, распахнула пасть: — «ква-а, ква-а, ква-а-а!», шлеп-шлеп — и взбирается на розовый кустъ. Соловей замолкъ, улитка упала среди маргаритокъ, роза опустила душистые лепестки.

— Ахъ, сестрица, какъ ты не вѣ-время квакнула... онъ поетъ, роза и всѣ слушаютъ его, — сказала улитка.

— Ква-а! я теперь въ голосъ и тоже пою... ты всегда безъ голоса и сиди въ своей скорлупѣ, — ква-а! видишь, — онъ замолчалъ и слушаетъ меня. Роза благоухаетъ для насъ, и мы оба поемъ...

«Для всѣхъ!» — прошелестѣли лепестки розы, — «я не могу не благоухать, пока цвѣту; но

ты можешь и помолчать минуту, когда поетъ онъ; слушай и молчи.»

— Ква-а! Скажите, пожалуйста... вы душисты, сударыня,—это правда; но прыгните-ка такъ, какъ я. Ну-у, что? ни съ мѣста? Спойте, какъ я!—Ни-ни?—не можете?... То-то... не завидуйте и молчите сами...

— Прыгай себѣ... только не пой!..

— Каждому свое, красавица, — шелестиль лягушкѣ молодой кленъ,—розѣ—благоухать соловью—пѣть, а вамъ скакать въ родномъ болотѣ,—будьте, умны и не мѣшайте никому.

— Маня, Маня! Я сейчасъ сорву розу... цѣлый букетъ розъ! Какъ онѣ пахнутъ,—преlestь! — крикнулъ въ эту минуту мальчикъ въ голубой рубашкѣ.

— Ква-а! Слышишь,—твой конецъ, а я вотъ ускачу, не найти ему меня въ канавѣ,—квакнула лягушка.

— И скачи, скачи!—пролепетали цвѣты.

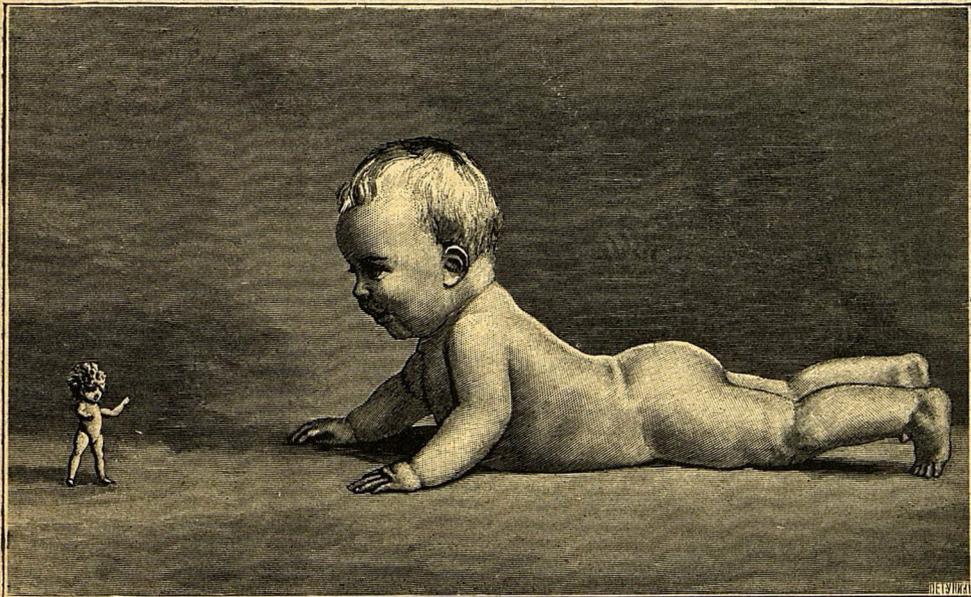
«Тью-тью-тл-дью!»—залился снова соловей.

Голубенькій мальчикъ протянулъ было руку къ розовому кусту, и рука его опустилась; онъ смотрѣлъ теперь, затаивъ дыханье, въ полутемныя вѣтви душистой липы.

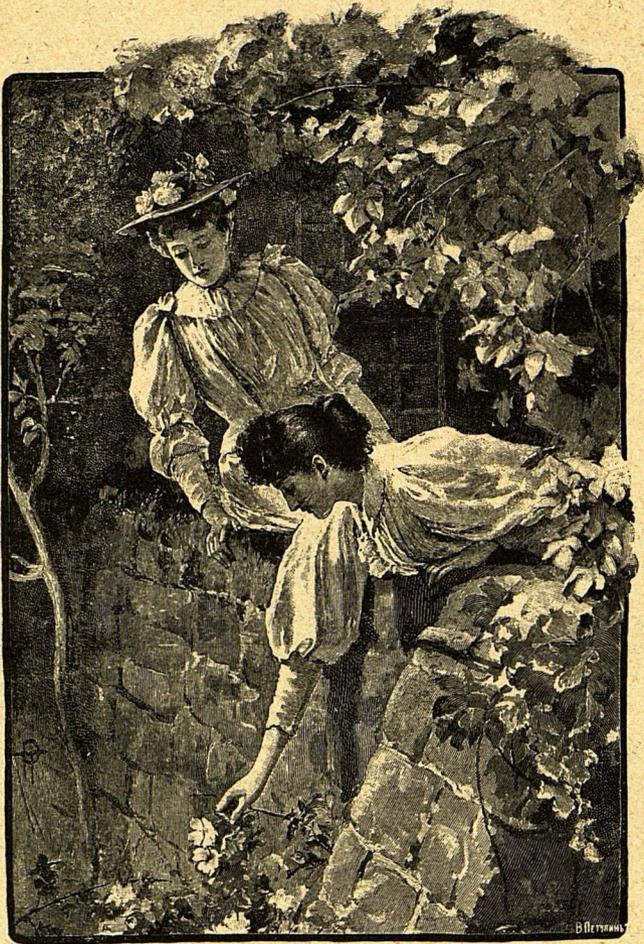
— Сережа, милый, не рви розъ... онѣ за-

вянуть, и улетитъ отъ насъ соловей!—подбѣ-
гая, тихо сказала худенькая дѣвочка съ раз-
горѣвшимся лицомъ, — вѣдь розы цвѣтутъ и
соловей поетъ не для насъ однихъ...

Н. Соловьевъ-Несмѣловъ.

„Здравствуй, куколка!“

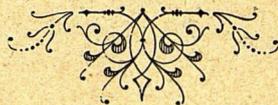
Роза.

(Съ славянскаго).

Въ чащѣ древесной
Розы прелестной
Кусть ароматный
Скромно цвѣтетъ;
Радуюсь лѣту,
Солнцу и свѣту,
Запахъ свой чудный
Къ небу онъ шлетъ.

Осень настанетъ,—
Роза увянетъ,
Вихрь лепесточки
Вдаль унесетъ...
Пользуйся съ нами
Лѣтними днями!
Быстро, какъ вѣтеръ,
Юность пройдетъ!

Н. Новичъ.

Приключенія Жакуши *).

Сказка.

III.

Лѣтомъ прудъ разукрасился: на немъ расцвѣли бѣлыя и желтыя кувшинки, выросла густая трава, а берегъ заросъ кустарниками.

Лягушкамъ жилось въ прудѣ привольно и весело: онѣ плавали на просторѣ, выпрыгивали на берегъ, садились на широкіе листья кувшинокъ и, покачиваясь, грѣлись на солнышкѣ. Ъды было много: мошки, букашки порхали въ воздухъ и, то и дѣло, попадались на мягкіе язычки лягушекъ; въ водѣ находились червячки,

*) Продолженіе см. „Свѣтлячокъ“ № 10.

мелкія рыбки и другія животныя; да если сказать правду, то большія лягушки не рѣдко лакомились маленькими и находили ихъ превкусными.

Однажды съ Квакушей произошелъ такой случай. Она пожадничала: — проглотила довольно большую лягушку и подавилась: лягушка не могла пройти въ ея горло, и голова торчала изо рта. Положеніе было самое печальное. Но умная Квакуша не потерялась: выпрыгнувъ на берегъ, — она стала прыгать къ стволу куста и колотить о стволъ свою добычу, — пока та не пролѣзла въ горло. Значить, и лягушки кое-что думаютъ и соображаютъ.

Въ одинъ прекрасный солнечный день, — когда лягушки беззаботно рѣзвились въ прудѣ, — то выпрыгивая на сломанное дерево, то скользя по листьямъ кувшинокъ и распѣвая свою неизмѣнную пѣсенку, къ пруду подошли люди. Одинъ — былъ уже взрослый, въ синей русской рубашкѣ съ бородой, и въ фуражкѣ съ синимъ околышемъ; двое — были дѣти: мальчикъ и дѣвочка. У дѣтей были въ рукахъ сачки на длинныхъ палкахъ, а у взрослога черезъ плечо висѣлъ большой жестяной зеленый ящикъ.

Квакуша, сидѣвшая на своемъ любимомъ

сломанномъ деревѣ, первая замѣтила опасность и громко крикнула:

— Ква, ква, ква! Спасайтесь! Это враги!

Большія и маленькія лягушки стремглавъ попрыгали въ прудъ. На мгновеніе все затихло. Чей-то голосъ насмѣшливо проговорилъ:

— Какъ лягушки-то насъ перепугались!

Опять все стало тихо.

Квакуша не вытерпѣла и выглянула изъ воды: ей любопытно было посмотрѣть, что это за странныя чудовища съ палками ходять по берегу.

Всѣмъ извѣстно, что любопытство до добра не доводитъ и губить не только людей, но и животныхъ. Не успѣла наша лягушка оглянуться кругомъ, какъ съ ней случилось что-то ужасное: кто-то ее подхватилъ и понесъ, высоко надъ землей. Исчезло голубое небо, зелень, исчезли родной прудъ и свобода. Квакуша очутилась въ темницѣ. Она чувствовала, что была не одна и своимъ тѣломъ притиснула другихъ животныхъ, которыя подъ ней шевелились... Всѣ они были страшно перепуганы и молчали.

Темница оказалась желѣзнымъ ящикомъ.

Ящикъ закрыли. Квакушѣ было темно, душно, неловко; ей хотѣлось кричать и жаловаться;

она тряслась и подпрыгивала отъ какихъ-то толчковъ и поминутно ударялась о стѣнки своей тюрьмы: ей было больно.

Наконецъ, ящикъ куда-то донесли и положили; дверцу открыли. Квакуша увидѣла свѣтъ, зелень деревьевъ, небо и обрадовалась: она думала, что теперь наступитъ ея освобожденіе. Но не тутъ-то было.

Ее схватила небольшая, мягкая рука и сжала.

— Неужели ты не боишься брать лягушку въ руки?—спросилъ дѣтскій голосъ.

— Нисколько не боюсь... Лягушки не кусаются,—отвѣчалаъ другой голосъ.

— Онѣ такія холодныя, противныя, страшныя....

Напрасно ожидала Квакуша освобожденія: она попала изъ одной темницы въ другую,—только эта послѣдняя была свѣтлая. Лягушку посадили въ просторную банку, вмѣстѣ съ ней посадили еще маленькихъ лягушатъ; банку завязали тряпочкой съ отверстіями, чтобы туда проходилъ воздухъ.

Три головы наклонились надъ банкой; это были тѣ-же люди, которые появились на берегу пруда.

— Мы устроимъ этой лягушкѣ хорошій до-

микъ, поставимъ лѣстницу, — она станетъ намъ показывать погоду, — сказала мальчикъ.

— Это простая лягушка и очень толстая, неповоротливая... Погоду показываютъ древесницы, — отвѣчалъ молодой человекъ въ синей рубашкѣ, — форменная фуражка была у него теперь сдвинута на затылокъ, и изъ подъ нея выбивались русыя кудри.

— Какія это древесницы? — спросила маленькая дѣвочка.

— Маленькія, зеленыя лягушки. Ихъ много на югѣ; когда онѣ сидятъ на кустахъ и на деревьяхъ, — ихъ не отличить отъ листьевъ.

— Ахъ, какъ-бы интересно было ихъ посмотреть! — сказала опять дѣвочка.

— Это прехорошенькія лягушки. У нихъ на лапкахъ есть подушечки съ отверстиями, и онѣ ими присасываются къ деревьямъ, а брюшко все въ бородавкахъ, которыми онѣ собираютъ влагу съ листьевъ. Безъ воды лягушкамъ жить тяжело.

Дѣти слушали со вниманіемъ. Мальчикъ не спускалъ глазъ со своего учителя. Молодой человекъ былъ учитель.

— Правда-ли, Борисъ Львовичъ, что за границей лягушекъ ѣдятъ? — спросилъ мальчикъ.

— Да, это правда. Я самъ ихъ ѣлъ. Превкусныя!

— Фу, какая гадость! Кажется, еслибы мы умирали съ голоду, — и то лягушекъ ѣсть не стали.

— Вы бы и не разобрали, — если-бы вамъ ихъ подали подъ соусомъ, — точно молодые цыплятки.

Квакуша и маленькія лягушки, сидѣвшія въ банкѣ, слышали весь разговоръ. Онѣ страшно перепугались.

— А что если это бородатое страшилище съѣстъ насъ? — тихо пропищалъ одинъ изъ лягушатъ.

— Очень просто. И насъ съ тобой не спросить, — отвѣчала Квакуша, со страхомъ посматривая на людей...

— Борисъ Львовичъ, а когда же мы съ вами будемъ рѣзать и изучать эту лягушку? — спросилъ мальчикъ.

— Подожди, милый другъ, все будетъ въ свое время.

— Я убѣгу и спрячусь... Я не могу видѣть, когда рѣжутъ живыхъ животныхъ, — возразила дѣвочка.

— Ну, ты трусиха, Маня. Вѣдь мы ее не

станемъ мучить, мы ее сначала умертвимъ. Для науки можно.

Квакуша сдѣлала быстрое движеніе и поднялась въ банкѣ на заднія лапы, какъ-бы ища спасенія.

— Пропали наши головушки. Мы попали въ руки разбойниковъ, — твердила она, ища выхода изъ банки.

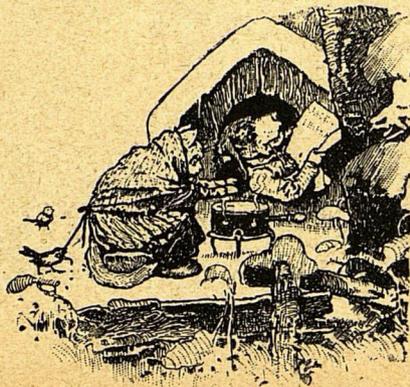
Маленькія лягушки прижались въ уголокъ и не могли слова произнести отъ ужаса.

— Смотрите, смотрите, — лягушка танцуетъ, — весело говорили дѣти и громко смѣялись.

Затѣмъ всѣ трое куда-то пошли и понесли съ собою банку. Лягушки прощались навсегда съ голубымъ небомъ, съ зеленымъ садомъ, съ роднымъ прудомъ и даже съ жизнью.

Клавдія Лукашевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

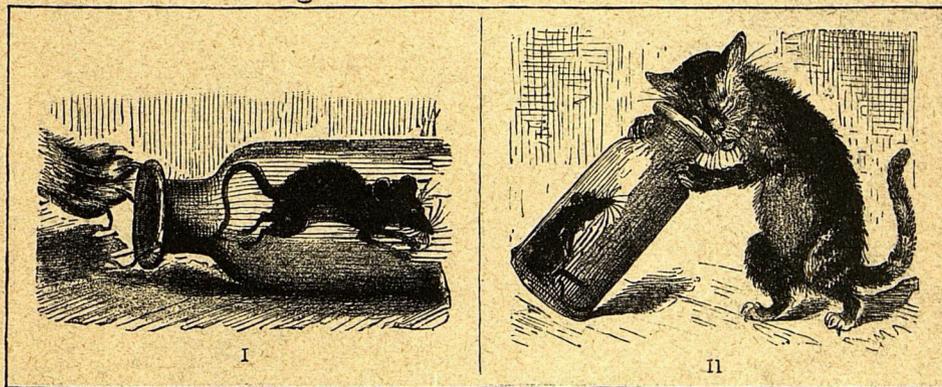

Интересная книга.

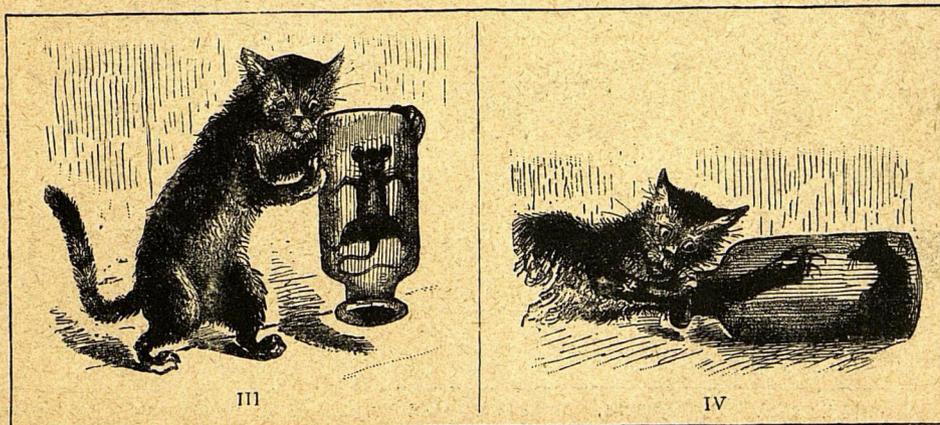
Потѣшныя странички.

НЕЛОВКІЙ КОТЪ.

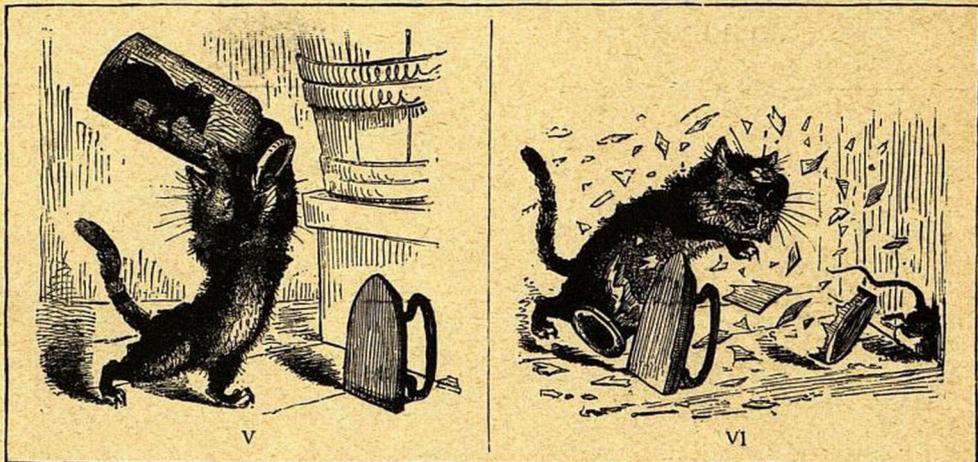
Отъ кота спасаясь, мышь
Разъ въ бутылку забѣжала.
Котъ глядитъ въ бутылъ:— „Шалишь,
„Въ лапы ты ко мнѣ попала!“

Хочетъ лапкой хитрый котъ
Мышь схватить,— та въ уголь жметя...
Поднялъ котъ бутылъ, трясеть.
Но добыча не дается.

Коть все любитъ дѣлать вдругъ:
Онъ бутылку замахнулся
Да какъ стукнетъ объ утюгъ...
Громъ и трескъ...—Тутъ котъ очнулся...

Мышка—въ норку юркъ—за дверь...
Коть, расстроенный глубоко,
Шепчетъ:—„За бутылъ теперь
„Мнѣ жъ достанется жестоко!“

